

О ЧАСТИ И ЦЕЛОМ

ПЬЕСА современного драматурга о событиях незабываемых лет рождения Советского государства — какой она должна быть?

Очевидно, она должна обладать свежестью авторского взгляда, должна открывать новое, освещая события истории опытом пережитого советским народом за пятьдесят лет.

В то же время такая пьеса не может в чем-то существенно не остаться верной традициям Лавренева, Тренева, Вишневского, Погодина.

Можно представить себе меру труда и степень ответственности драматурга, решающего такую задачу сегодня, в преддверии пятидесятилетнего юбилея Со-

ветской власти. Ясно и то, что каждое произведение такого рода заслуживает самого пристального внимания критики и оценки по главным идейно-художественным критериям.

В свете всего сказанного малообъяснима позиция З. Паперного, который в статье «Цитатная драматургия» («Литературная газета» № 23 от 7 июня), перечеркнул пьесу «Вьюга» В. Раздольского — произведение достаточно сложное, дающее все основания для серьезного разговора.

В своих заметках драматург А. Симуков приступает к этому разговору.

А. СИМУКОВ

НЕДАВНО я испытал чувство горечи и обиды, прочитав в «Литературной газете» заметку З. Паперного «Цитатная драматургия». Почему я так остро ее пережил? Обвинив драматурга В. Раздольского в «цитатности» образа А. Блока, З. Паперный, резвясь и играя, фактически поставил под сомнение всю пьесу, «забыв» при этом упомянуть, что образ А. Блока при всей его важности в пьесе — только часть ее, так как центральной фигурой пьесы «Вьюга» является В. И. Ленин или, вернее, В. И. Ленин, а также А. Блок. Они — неразрывные части единого в своей целостности замысла автора.

Отделить одну часть и «забыть» то, ради чего эти части слагаются и взаимодействуют, — это ли не высшая форма неуважения и в то же время непрофессионального отношения к разбираемому произведению?

Глубоко сожалея, что разговор о драме В. Раздольского начинается с такого повода, хочу остановиться вкратце на том конкретном, в чем обвиняет В. Раздольского критик З. Паперный, утверждая, что А. Блок у драматурга «цитатен». Я думаю, это грех только в том случае, если цитаты не помогают рождению живого художественного образа. «Милый жец» Килти, «На смешливое мое счастье» Л. Малюгина и, наконец, «Шестое июля» М. Шатрова цитатны сплошь, и, однако, их авторов пока никто в «цитатности» не упрекал. Значит, дело в том, удался ли В. Раздольскому образ А. Блока, поэта и человека, в высшей степени своеобразного и неожиданного, — разве не была подтверждением этого поэма «Двенадцать»? Мне кажется, что образ А. Блока получился у В. Раздольского именно потому, что, тщательно изучив огромный материал, связанный с А. Блоком, драматург, полный глубочайшего уважения к поэту, не побоялся быть строго «цитатным» даже в тех случаях, когда человеку, мало знакомому с дневниками и высказываниями А. Блока, могли показаться неожиданными некоторые блоковские выражения в пьесе.

Смелость сочетания резких контрастов в столкновениях Блока с его ближайшим окружением и, наконец, с представителями революции и помогла В. Раздольскому создать сложный, объемный образ замечательного поэта, который слушал музыку революции и услышал ее.

З. Паперный считает, что выражение «слушать музыку революции» осталось мертвой цитатой, не претворенной в образно-смысловую ткань пьесы. Но ведь вся пьеса построена как героико-патетическая симфония. Драматург сталкивает три контрастные поэтики — поэтику мистического восприятия революции, характерного для части интеллигенции, поэтику лихой левой революционной фразы, которая увлекла тогда многих и многих, и поэтику суровой революционной правды — поэтику В. И. Ленина, пролетариата.

В ряде эпизодов, во многом неожиданных, поначалу даже настораживающих необычайной жесткостью, непримиримостью характера, мы видим Ленина ищущего, атакующего, озадачивающего подчас самых близких людей; вождя и человека, который никогда, ни при каких условиях не позволяет хлесткой левой фразе, пусть внешне самой революционной, оторвать себя от конкретной действительности.

Увлечение левой фразой, объективно или субъективно переходящей в демагогию, предательство, жесточайшая борьба с ней Ленина, развернутая в ряде ярких эпизодов на фоне борьбы Владимира Ильича за заключение Брестского мира, делает историко-революционную пьесу В. Раздольского необычайно острой.

Говоря об А. Блоке, возникающем на страницах пьесы «Вьюга», можно, вероятно, предъявить В. Раздольскому претензии, но не отдать должное труду художника, который не побоялся привлечь для решения своей поэтической концепции такую фигуру, как А. Блок, и во многом удачно решил образ, мы не можем. Конечно, в пьесе использована только малая часть возможного — не-

повторима судьба поэта, путь, пройденный им к революции, таит в себе материал для десятка пьес.

Автор «Вьюги» отобрал то, что определялось страстной влюбленностью А. Блока во «вьюгу-революцию» («очистительный циклон»), которая идет, уничтожая, ненавистное поэту духовное мешанство с его идейным распадом, обывательщиной, моральной нищетой. В то же время в пьесе отражена глубочайшая тревога поэта за дальнейшую судьбу революции, за ее пути.

Грозный, глубинный, внутренне противоречивый социальный взрыв, буря гигантской стихийной силы, которую партия и ленинский гений вводят в гранитные берега пролетарской государственности, — такой предстает нам революция в пьесе «Вьюга». При всей полемической заостренности несомненна удача В. Раздольского в создании образа В. И. Ленина. Автор во многом по-новому продолжает и развивает нашу Лениниану. Это итог длительной работы над темой революции. Итог, обещающий пьесе интересную сценическую судьбу; о чем говорят уже первые обнадеживающие факты.

Возвращаясь к заметке З. Паперного, я вовсе не хочу сказать, что пьеса В. Раздольского лишена недостатков. Возможно, в ряде сцен А. Блок чрезмерно «остранен», «мистичен». Есть элементы литературности в таких образах, как Тоня-комиссар, Лева Чикин, мечущийся между анархизмом и искренним желанием служить революции. Известная дань традиции в этих образах тем более кажется излишней, что драматургу удалось достаточно выразительно и самостоятельно показать представителей петроградского пролетариата. Недочеты в пьесе можно найти. Но о них надо говорить, разбирая всю пьесу, а не часть ее.

Позволю себе еще раз подивиться равнодушному, нехозяйскому отношению профессионального литератора к произведению своего собрата, странной позиции, позволяющей З. Паперному произвольно «забывать» то, чего он не хочет замечать в вещи, которую критикует.

Судя по всему, пьеса / 1988 /